

По мнению Остапа
Бендера, жизнь сложная
штука, но сложная
штука открывается
просто, как...

1. Коробка
2. Саквояж
3. Ящик
4. Банка

Правильный ответ вы сможете узнать, прочитав эту книгу...

| Содержание

«Лед тронулся, господа присяжные заседатели!»	5
До исторического материализма	9
...Где деньги лежат... ..	11
Мечта поэта.....	33
Полная механизация.....	44
Строгий секрет. Государственная тайна	53
Берегите пенсне, Киса!.....	61
Хочется бросить взгляд.....	115
Его проекты были грандиозны.....	131
Беру операцию на себя.....	152

Илья Ильф
(1897–1937)

Евгений Петров
(1902–1942)

«Лед тронулся, господа присяжные заседатели!»

С глубокой древности в культуре разных народов были популярны — и даже любимы — герои-плуты. Достаточно вспомнить греческого бога Гермеса, скандинавского Локи, героя средневековых сказок Рейнара-Лиса. Да, интересно слушать сказания о сильных, мудрых, справедливых. Но те, кто берет не силой, а житейской сметкой, не какой-то необычайной мудростью, а сообразительностью, кто может ошибаться и кому приходится отвечать за свои ошибки... наверное, они даже привлекательнее! И таких героев в мировой культуре великое множество.

Остап Бендер — плоть от плоти этих героев. Его поступки могут вызывать и осуждение, и восхищение. Он циничен, он притворщик и обманщик, но порой его сентиментальные порывы не вызывают сомнений. Он ставит перед собой прагматичные цели, но не притворяется лучше, чем он есть на самом деле. И да, он не переступает определенные моральные рамки:

«Я чту Уголовный кодекс». Если присмотреться, те, кто страдает от действий Остапа, — зачастую тоже являются откровенными жуликами. Поэтому у нас есть причины осуждать Остапа, но не меньше причин его любить. И сколько бы его ни называли антигероем, читательская любовь к нему не ослабевает.

Был ли прообраз у обаятельного героя, который называет себя Остап Сулейман Ибрагим Берта Мария Бендер-бей? О прошлом Остапа мы знаем только то, что он рассказывает сам, а он великий фантазер.

Среди прообразов Бендера называют Осипа Беньяминовича Шора, реальную личность и при этом одну из одесских легенд. Подумать только, мошенник «переквалифицировался» в сотрудника ЧК! Существование другого прообраза — полуподпольного миллионера Андрея Ивановича Бендера — более сомнительно. Возможно, это только одно из вымышленных допущений — но допущения появляются как раз тогда, когда герой задел читателей за живое. Первый из двух романов, увидевший свет в 1928 году, посвящен писателю Валентину Петровичу Катаеву, брату Евгения Петрова (Евгения Петровича

Катаева) — и его также называют иногда в числе возможных прототипов.

Многое из того, что происходит с Остапом, основано на реалиях времени, к которому отнесено действие романов, это своего рода исторические свидетельства, хотя и гротесковые. И именно бесконечные преувеличения, многочисленные доходящие до абсурда подробности не только ставят книги о «великом комбинаторе» на грань фарса, но и делают их на редкость многослойными. Это практически «пародия на все»: в книгах явно читаются приметы приключенческого романа, детектива, даже лирического произведения. А значит, к ним можно возвращаться снова и снова, каждый раз находя что-то новое.

Многие цитируют книги Ильи Ильфа и Евгения Петрова о похождениях «великого комбинатора», уже практически не вспоминая, откуда взялась та или иная забавная фраза: достаточно вспомнить саркастическое предложение «дать ключ от квартиры, где деньги лежат», философское «кому и кобыла невеста» или презрительное «низкий сорт, нечистая работа». Книжки и в самом деле, как часто говорят, «разобрали

на цитаты» — это ли не доказательство народного признания?

И мы предлагаем вам несколько необычный взгляд на хорошо известные всем романы. Это сборник цитат, разделенный на тематические разделы, связанные с бурной деятельностью «великого комбинатора»: своего рода «погружение» в шедевры Ильфа и Петрова! Те, кто давно знает и любит «Двенадцать стульев» и «Золотого тельника», возможно, найдут для себя что-то новое. Те, кому только предстоит знакомство с Остапом Бендером, — возможно, пожелают познакомиться с «сыном турецкоподданного» более детально. Ведь хорошей литературы, как известно, не бывает слишком много!

До исторического материализма

(Прошлое личное и общественное)

«Двенадцать стульев»

* * *

(Остап и дворник)

— А в этом доме что было до исторического материализма?

— Когда было?

— Да тогда, при старом режиме.

— А, при старом режиме барин мой жил.

* * *

Звали молодого человека Остап Бендер. Из своей биографии он обычно сообщал только одну подробность: «Мой папа, — говорил он, — был турецко-подданный». Сын турецко-подданного за свою жизнь переменял много занятий. Живость характера, мешавшая ему посвятить себя какому-нибудь одному делу, постоянно кидала

его в разные концы страны и теперь привела в Старгород без носков, без ключа, без квартиры и без денег.

* * *

(Остап и Ипполит Матвеевич)

— Что, усы дороги вам как память?

— Не могу, — повторил Воробьянинов, по-
нуря голову.

— Тогда вы всю жизнь сидите в дворницкой, а я пойду за стульями. Кстати, первый стул над нашей головой.

— Брейте!

...Где деньги лежат

(Остап Бендер, финансы и торговля)

«Двенадцать стульев»

* * *

(Остап беспризорнику)

— Может быть, тебе дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат?

* * *

— Кому астролябию? Дешево продается астролябия! Для делегаций и женотделов скидка.

* * *

(Остап и Ипполит Матвеевич)

— Последний ножик на вас трачу. Не забудьте записать на мой дебет два рубля за бритье и стрижку.

Содрогаясь от горя, Ипполит Матвеевич все-таки спросил:

— Почему же так дорого? Везде стоит сорок копеек!

— За конспирацию, товарищ фельдмаршал, — быстро ответил Бендер.

* * *

— Вот что, дорогуша, я вижу полную бесцельность нашей совместной работы. Во всяком случае, работать с таким малокультурным компаньоном, как вы, из сорока процентов представляется мне абсурдным. Воленс-неволенс, но я должен поставить новые условия.

* * *

— ...Я кое-что накропал по дороге. Чистый доход выражается в трех рублях. Это, конечно, немного, но на первое обзаведение нарзаном и железнодорожными билетами хватит.

* * *

Остап принял из рук удивленного Ипполита Матвеевича пиджак, бросил его наземь и принялся топтать пыльными штиблетами.

— Что вы делаете? — завопил Воробьянинов. — Этот пиджак я ношу уже пятнадцать лет, и он все как новый!

— Не волнуйтесь! Он скоро не будет как новый! Дайте шляпу! Теперь посыпьте брюки пылью и оросите их нарзаном. Живо!

Ипполит Матвеевич через несколько минут стал грязным до отвращения.

— Теперь вы дозрели и приобрели полную возможность зарабатывать деньги честным трудом.

— Что же я должен делать? — слезливо спросил Воробьянинов.

— Французский язык знаете, надеюсь?

— Очень плохо. В пределах гимназического курса.

— Гм... Придется орудовать в этих пределах. Сможете ли вы сказать по-французски следующую фразу: «Господа, я не ел шесть дней»?

— Мосье, — начал Ипполит Матвеевич, запинаясь, — мосье, гм, гм... же не, что ли, же не манж па... шесть, как оно: ен, де, труа, катр, сенк... сис... сис... жур. Значит, же не манж па сис жур.

— Ну и произношение у вас, Киса! Впрочем, что от нищего требовать! Конечно, нищий в Европейской России говорит по-французски хуже,

чем Мильеран. Ну, Кисуля, а в каких пределах вы знаете немецкий язык?

— Зачем мне это все? — воскликнул Ипполит Матвеевич.

— Затем, — сказал Остап веско, — что вы сейчас пойдете к «Цветнику», станете в тени и будете на французском, немецком и русском языках просить подавание, упирая на то, что вы бывший член Государственной думы от кадетской фракции. Весь чистый сбор поступит монтеру Мечникову. Поняли?

Ипполит Матвеевич преобразился. Грудь его выгнулась, как Дворцовый мост в Ленинграде, глаза метнули огонь, и из ноздрей, как показалось Остапу, повалил густой дым. Усы медленно стали приподниматься.

— Ай-яй-яй, — сказал великий комбинатор, ничуть не испугавшись, — посмотрите на него. Не человек, а какой-то конек-горбунок!

— Никогда, — принялся вдруг чрево вещать Ипполит Матвеевич, — никогда Воробьянинов не протягивал руки.

— Так протянете ноги, старый дуралей! — закричал Остап. — Вы не протягивали руки?

— Не протягивал.

— Как вам понравится этот альфонсизм? Три месяца живет на мой счет. Три месяца я кормлю его, пою и воспитываю, и этот альфонс становится теперь в третью позицию и заявляет, что он... Ну! Довольно, товарищ! Одно из двух: или вы сейчас же отправитесь к «Цветнику» и приносите к вечеру десять рублей, или я вас автоматически исключаю из числа пайщиков-концессионеров. Считаю до пяти. Да или нет? Раз...

— Да, — пробормотал предводитель.

— В таком случае повторите заклинание.

— Мосье, же не манж па сис жур. Гебен зи мир битте этвас копек ауф дем штюк брод. Подайте что-нибудь бывшему депутату Государственной думы.

— Еще раз. Жалостнее!

Ипполит Матвеевич повторил.

— Ну, хорошо.

« У вас талант к нищенству заложен с детства. Идите. Свидание у источника в полночь. Это, имейте в виду, не для романтики, а просто — вечером больше подают »

У вас талант к нищенству заложен с детства. Идите. Свидание у источника в полночь. Это, имейте в виду, не для романтики, а просто — вечером больше подают.

— А вы, — спросил Ипполит Матвеевич, — куда пойдете?

— Обо мне не беспокойтесь. Я действую, как всегда, в самом трудном месте.

* * *

— Как вы думаете, предводитель, — спросил Остап, когда концессионеры подходили к селению Сиони, — чем можно заработать в этой чахлой местности, находящейся на двухверстной высоте?

Ипполит Матвеевич молчал. Единственное занятие, которым он мог бы снискать себе жизненные средства, было нищенство, но здесь, на горных спиралях и карнизах, просить было не у кого.

Впрочем, и здесь существовало нищенство, но нищенство совершенно особое — альпийское: к каждому проходившему мимо селения автобусу или легковому автомобилю подбегали дети и исполняли перед движущейся аудиторией несколько па наурской лезгинки; после этого дети бежали за машиной, крича:

— Давай денги! Денги давай!